

ОБРАЗОВАНИЕ: БЛАГО ИЛИ ТОВАР?

Стаття містить соціально-філософський аналіз природи знання і освіти в сучасному суспільстві. Перетворення науки і освіти у безпосередню продуктивну силу суспільства є загально визнаним у сучасному науковому дискурсі. У статті цей процес розглядається як оволодіння капіталом продуктивними силами науки і освіти, і автор робить спробу розкрити його протиріччя і проблеми. У зв'язку з цим розглядається зміст понять „освітні послуги”, „суспільне благо”, „суспільство знань” „людський капітал”.

Ключові слова: благо, освітні послуги, ринок освітніх послуг, людський капітал, знання, компетенції.

[Статья сдана в: Вісник ДонНУСТ // Науковий журнал. – Серія «Гуманітарні науки». – № 3 (51) 2012.]

Современная система общественного образования переживает кризис своих основ. Сложившись на протяжении XVIII-XX столетий в качестве системы общественной трансляции научного знания как один из важнейших элементов того длительного исторического процесса, который М. Вебер назвал «интеллектуалистической рационализацией» или «расколдовыванием» общества [1, с. 713-714], образование и наука в XXI столетии заново определяют свое место и роль в обществе.

Осознание природы образования и науки в современных дискуссиях размещается в пространстве между двумя полюсами, представленными категориями *благо – товар*. Эти дискуссии свидетельствуют о необходимости социально-философского и социально-экономического анализа современной науки и образования, первые шаги к которому сделаны в работах В. П. Андрущенко, Т. М. Боголиб, Н. А. Василенко, Н. И. Верхоглядовой, А. М. Гончаренко, В. П. Гриценко, О. П. Демьянчука, А. О. Диденко, Г. А. Дмитренко, О. В. Дубровки, В. Евтушевского, В. М. Косарева, Н. Ю. Кочкиной, Ю. Москаль [2]. Однако, ограниченность данного анализа состоит в том, что он осуществляется в рамках неолиберальной парадигмы, которая представляет собой теоретическую рефлексию современного этапа развития капиталистического общества на стадии подчинения им науки и образования интересам развития капитала.

Наука (и образование) становясь, как и предсказывал К. Маркс, непосредственной производительной силой общества, в рамках капиталистического способа производства приобретает характерную социально-экономическую и культурную форму, которая отличает их от науки (и образования) предшествующих исторических эпох.

Поскольку наука – этот продукт «всеобщего исторического процесса развития, абстрактно выражающий его квинтэссенцию» (К. Маркс) – первоначально возникает, как справедливо отмечал Аристотель, из удивления человека перед гармоничным и умным мировым устройством и предполагает наличие у человека *досуга* для созерцания мира и размышления о нём (древнегреческая «теория» – это *умозрение*), постольку ей было чуждо стремление непременно обратить научные знания в инструмент утилитарно-прагматичного использования мира. Наука возникает как особый вид свободного духовного производства, направленного на постижение *истины* мира (сути его бытия). Так как это духовное производство является продуктом личной инициативы отдельных людей, обладающих досугом для научных занятий, то наука в докапиталистическом обществе существует маргинально (на обочине общественной жизни) и спорадически (в те периоды истории общества, когда для научных занятий возникают более или менее благоприятные условия). В XVII-XVIII столетиях наука начинает превращаться в общественно востребованный социальный институт производства научного знания. В

эпоху промышленной революции общественное применение научного знания сначала в сфере материального производства, а затем и в других сферах общественной жизни ставит вопрос о создании системы *общественного научного образования*.

Образование и обучение как специализированная деятельность, призванная помочь индивиду в овладении духовным достоянием человечества, также возникает в докапиталистический период. По свидетельству историков образования [см.: 3], первоначально специализированное обучение было связано с овладением важнейшим средством интеллектуального труда – *письменностью*, а первыми школами были школы писцов (шумерские эдубы – «Дома табличек»). По мере развития и упрощения письменности (с переходом от иероглифической к слоговой и алфавитной системе нотации человеческой речи) срок обучения письму сокращался, а увеличение количества письменных источников (религиозных, художественных, исторических, общественно-политических и научных текстов) позволяло обогатить содержание обучения путём их изучения в школах. Обучение в докапиталистическом обществе по преимуществу имело сословно-профессиональный характер, научное же знание в содержании образования было факультативным (если вообще для него отводилось место).

Впервые идея всеобщего образования высказывается в эпоху Просвещения, а Великая Французская революция в «Декларации прав человека и гражданина» (1789 г.) провозглашает задачу организации «общественного образования, доступного всем гражданам, бесплатного в тех частях обучения, которые необходимы всем людям без изъятия». Поскольку научное знание начинает применяться во всех сферах общественной жизни, то возникает необходимость создания светской, общегражданской системы образования с обязательным изучением науки. Решение этой задачи – создание общественного научно-образовательного комплекса – происходит на протяжении XIX-XX столетий.

На рубеже XX-го и XXI-го столетий вновь возникает спор о том, «является ли образование и наука всеобщим общественным достоянием (общественным благом) или же они должны функционировать в режиме частной собственности?», за кулисами которого стоит вопрос о том, *кто* будет определять содержание образования. Впрочем, время от времени голоса из-за кулис звучат достаточно громко и потому можно различить, *кому* они принадлежат. Приведем отрывок из доклада Европейской комиссии об общедоступном и дистанционном обучении (1991 г.): «Революция в информатике деклассировала значительную часть образования... Продолжительность жизни полезных знаний составляет 20 лет, интеллектуальный капитал обесценивается на 7% в год и сопровождается соответствующим снижением производительности труда... Предприятия, предоставляющие своим сотрудникам учебные отпуска, сталкиваются с вытекающей отсюда проблемой недопроизводства. С помощью дистанционного обучения [предприниматели] могут вкладывать средства в человеческий капитал и контролировать затраты. Публичный университет есть промышленное предприятие, а дистанционное обучение – новая отрасль промышленности. Это предприятие должно продавать свою продукцию на рынке постдипломного обучения, который подчиняется законам спроса и предложения» [4, с.90]. Пикантность момента состоит в том, что Еврокомиссия говорит здесь не от лица европейского общества: она обеспокоена тем, что предприниматели несут убытки от снижения качества рабочей силы своих сотрудников и от издержек, связанных с дополнительным образованием. Поэтому она полагает, что именно *предприниматели должны контролировать затраты на образование, а само образование должно быть перестроено по законам бизнеса*. Не менее определенно на этот счёт высказываются и сами бизнесмены. Так, на Круглом столе промышленников ЕС (1995 г.) они заявили: «В конечном счёте, ответственность за профессиональное образование лежит на промышленности... Сфера просвещения не может иметь чёткого

представления о конкретном профиле сотрудников, нужных промышленности... Просвещение должно рассматриваться как услуга, оказываемая экономике... Задачей просвещения является обучение, а не преподавание... Мы не можем больше терять время» (цит. по: [4, с.91]). Подобные взгляды и выражаемые ими интересы капитала стали основанием для включения образования в сектор услуг, торговля которыми регулируется Генеральными соглашениями (GATS) ВТО.

Из этих заявлений следует, что: (1) знание – это «интеллектуальный капитал», влияющий на производительность труда, но вкладывать в человека этот «капитал» или не вкладывать – решает бизнес, который рассматривает систему образования как «услугу» экономике; (2) человек, обладая знаниями, обладает «человеческим капиталом»; (3) учреждения образования (например, университет) должны быть организованы по образцу промышленных предприятий, в которых на поток поставлено «обучение (полезным для капитала знаниям и умениям, именуемым «компетенциями» – Н. Р.), а не преподавание»; (4) система образования должна подчиняться законам спроса и предложения, а на рынок она выносит свой особый товар – «образовательную услугу». Положение науки и образования в современном обществе, принадлежащих к сфере духовного производства, обсуждается на языке, почерпнутом из словаря капиталистической экономики. Такое «вербальное подчинение» науки и образования капиталу является выражением их реального превращения в непосредственную производительную силу, протекающего в специфической – *капиталистической* – форме. Поскольку этот процесс предсказал К. Маркс, то имеет смысл обратиться к системе понятий и логике его рассуждений, которые привели его к этому открытию.

Начнем с понятия *услуги*, поскольку именно оно в современном образовательном дискурсе выражает общественное предназначение образования. Надо сказать, что широта использования понятия «услуга» в современном обществоведении прямо пропорциональна его содержательной расплывчатости и неопределенности. Если обратиться, например, к такой «Библии западного обществознания», как теория постиндустриального общества Д. Белла, то здесь мы обнаружим следующее принципиальное заявление: «Постиндустриальное общество основано на услугах. Поэтому оно есть игра между людьми. Главное значение имеют уже не мускульная сила и не энергия, а информация» [5, с.171].

Логика рассмотрения природы услуги у Белла привязана к профессиональному разделению труда, расширению его сферы и выделению новых социально-профессиональных групп. По его мнению, при переходе от индустриального общества к постиндустриальному сфера услуг вначале предстает (1) как вспомогательный по отношению к промышленности труд в сфере транспорта и общественных услуг, которым занята «синеворотничковая» рабочая сила, затем (2) как труд в сфере распределения (оптовой и розничной торговли, а также в финансовой и страховой деятельности), в которой заняты «белые воротнички», и, наконец, (3) как услуги, которые охватывают сферу личного потребления, образуя так называемый «третичный сектор» экономики – индустрию путешествий, развлечений и спорта, сети ресторанов и отелей и т.п. [5, с. 171]. К этому «третичному сектору» Белл относит также здравоохранение и образование.

Не отрицая наличие в наблюдениях Белла определенной доли истины, отметим, что *понимание* этих наблюдений у него поверхностное. Белл почему-то игнорирует существование услуг в докапиталистическом (доиндустриальном) обществе. Классификацию видов услуги он проводит по разным основаниям: то сводит услуги к труду в сфере производственной инфраструктуры, то отождествляет их с деятельностью в сфере обращения, финансов и страхования, то рассматривает их как деятельность в сфере

личного потребления. При таком подходе социально-экономическая природа услуги и смена её форм оказывается совершенно не выявленной.

Сопоставим рассуждения Белла с пониманием услуги у К.Маркса. Маркс, прежде всего, фиксирует наличие услуг в докапиталистическом обществе, рассматривая услугу как процесс обмена овеществлённого труда, которым располагает получатель услуги на живой труд слуги: «Оба, на самом деле, обмениваются только потребительными стоимостями; один – жизненными средствами, другой – трудом, услугой, которую хочет потребить первый...» [6, с. 459]. «В этих случаях важно то, - подчёркивает Маркс, - что всякий раз это услуга, которую оказывают друг другу оба» [6, с. 459]. Это отношения простого обращения, в которых нет ничего от специфически капиталистических общественных отношений.

Такого рода отношения частично сохраняются и при капитализме. «В самом буржуазном обществе, - пишет Маркс, - к этой рубрике, к этой категории относится всякий обмен личных услуг на доход (сюда относится также работа для личного потребления, приготовление пищи, шитьё и т.д., работа садовника и т.д., вплоть до всех непроизводительных классов, государственных служащих, врачей, адвокатов, учёных и т.д.). Сюда относятся все домашние слуги и т.д. Все эти работники, от низшего до высшего, обеспечивают себе посредством оказываемых услуг – часто навязываемых ими – некоторую долю в прибавочном продукте, в *доходе* капиталиста» [6, с. 462].

Услуга как таковая есть деятельность, направленная на *потребление* богатства, а не на его *производство*. Для пояснения своего понимания природы услуги Маркс приводит следующий пример: «Если я покупаю услугу учителя – или другие покупают её для меня – не с той целью, чтобы развить мои способности, а с той целью, чтобы приобрести известную сноровку, дающую мне возможность зарабатывать деньги, и если я при этом действительно что-нибудь усваиваю, – что само по себе несколько не зависит от оплаты учителю выполняемой им услуги, – то издержки на это обучение, подобно издержкам на моё содержание, входят в издержки производства моей рабочей силы. Но особая полезность этой услуги *несколько не изменяет данного экономического отношения*; деньги здесь не превращаются в капитал, другими словами: я не становлюсь по отношению к исполнителю услуги, к учителю, капиталистом, не превращаюсь в его хозяина. И потому *экономический характер* этого отношения несколько не зависит от того, излечивает ли меня врач, успешно ли обучает меня учитель, выигрывает ли моё дело адвокат. Оплачивается здесь услуга как таковая, но по самой её природе её результат не может быть гарантирован исполнителем услуги» [7, с.415].

Услуга, поскольку она является деятельностью направленной на личное потребление, является *непроизводительным трудом* в специфически капиталистическом смысле производительности труда. «В тех случаях, когда деньги непосредственно обмениваются на такой труд, который не производит капитала, т.е. на *непроизводительный* труд, этот труд покупается как *услуга*. Это выражение означает вообще не что иное, - поясняет Маркс, - как ту особую потребительную стоимость, которую доставляет этот труд, подобно всякому другому товару; но особая потребительная стоимость этого труда получила здесь специфическое название «услуги» потому, что труд оказывает услуги не в качестве *вещи*, а в качестве *деятельности*...» [7, с. 413]. Услуга для её покупателя не является источником получения прибавочной стоимости, он её приобретает как источник потребительной стоимости, заключающейся либо в произведённых продавцом услуги полезных предметах (напр., в блюдах, приготовленных поваром) или в полезных действиях (обучение, лечение, уход за детьми или растениями). В личном бюджете покупателя услуга проходит по статье расходов. Услуга для её продавца также не является источником прибавочной стоимости, поскольку он продает только соб-

ственный труд, который оплачивается в соответствии с общественно необходимыми затратами на содержание его рабочей силы.

Может ли услуга стать производительным трудом, то есть – *трудом, приносящим прибавочную стоимость*? Да, в условиях капитализма такая метаморфоза возможна. К. Маркс отмечает: «Капиталистический способ производства также и здесь находит себе применение только в небольшом объёме и по самой природе вещей может здесь применяться только в некоторых сферах. Например, учителя могут быть в учебных заведениях простыми наемными работниками для предпринимателя, владельца учебного заведения; подобного рода фабрики для обучения весьма многочисленны в Англии. Хотя по отношению к своим ученикам эти учителя вовсе не являются *производительными рабочими*, но они являются таковыми по отношению к нанявшему их предпринимателю. Последний обменивает свой капитал на их рабочую силу и обогащается путём этого процесса» [7, с. 421]. Введение платного образования – это акт реального подчинения системы образования капиталу. Владелец капитала становится хозяином преподавателя. Капитал не только освобождается от издержек, связанных с финансированием образования из доходов государственного бюджета, формируемых в том числе и из уплачиваемых им налогов, но и перекладывает эти расходы на бюджет своей будущей рабочей силы, получая при этом возможность извлекать прибавочную стоимость из труда педагогов и учёных и определять содержание процесса образования.

В зарубежной экономической науке знания и навыки, полученные учащимися в процессе обучения, трактуются как «человеческий капитал», который как бы приносит им «прибыль» в виде более высокой зарплаты по сравнению с теми, кто не имеет такого образования и, соответственно, «капитала». Именно более высокой зарплатой лиц, получивших высшее образование, оправдывается введение платного образования. При этом совершенно очевидно, что затраты человека на своё образование, не имеют ничего общего с капиталом как *экономической категорией*. Во-первых, получение высшего образования не гарантирует получение не только высокооплачиваемой работы, но и вообще работы. Известно, что во многих высокоразвитых странах до 40% выпускников университетов являются безработными. Во-вторых, даже высокая зарплата не является в экономическом смысле капиталом, поскольку не обладает его главным свойством – *способностью к самовозрастанию*. В-третьих, размеры зарплаты отражают размеры затрат на подготовку рабочей силы соответствующей квалификации и на её поддержание. Понятно, что подготовка дворника и оператора атомной электростанции, грузчика и учёного по затратам отличаются на несколько порядков, что соответствующим образом отражается в зарплатах.

Только с возникновением системы частных учебных заведений формируется «рынок образовательных услуг», на котором развёртывается конкуренция производителей этого специфического «товара», подчинённая закону извлечения максимальной прибыли. Социальные функции образования, его всеобщий общественный характер, выражающий достигнутый обществом уровень культурного и научного развития, рассматриваются капиталом как *даровое благо*, подобное природным благам, которые делают возможной жизнь на нашей планете, а, следовательно, и жизнь капиталиста, занятого приращением своего богатства. Этот даровое, не им произведённое благо, капитал, тем не менее, считает необходимым присвоить и использовать, что рождает известные проблемы. Культура, образование, наука, природа, наконец, сама человеческая жизнь вводятся в режим частной собственности, логики частнособственнического присвоения и использования.

Однако, общественное, или – *общее благо*, то есть, общие природные и исторически созданные предпосылки существования и развития общества с трудом уклады-

ваются в прокрустово ложе частной собственности. В западной экономической науке определение общего блага строится как противоположность «частному благу», т. е. предмету частной собственности, квинтэссенция которой – частное потребление и обогащение. Начиная с патриарха *экономикса* (вульгарной политэкономии) П. Самуэльсона и кончая самыми последними учебниками и статьями, его характерные особенности усматривают в том, что оно обладает следующими признаками: (1) признак неисключения – практически невозможно исключить человека из круга потребителей данного блага; (2) признак неконкурентности в потреблении – потребление блага одним человеком не уменьшает возможностей потребления его другим; (3) признак неделимости – благо нельзя разложить на отдельные единицы. Более подробно эти признаки «общего блага» расшифровываются при перечислении следующих его свойств: 1) блага могут потребляться в независимости от оплаты; 2) их потребление может носить вынужденный или необходимый характер; 3) потребление связано с положительными внешними эффектами: как только благо произведено – оно доступно для всех; 4) рыночный механизм ценообразования или невозможен, или затруднён; 5) объём индивидуального потребления не поддаётся измерениям; 6) появление новых потребителей не ограничивает возможности «старых»; 7) невозможно запретить потребителям пользоваться благами.

Этим признакам точнее всего отвечают духовные блага (наука, образование, культурные ценности), хотя к категории общих благ *экономикс* относит также и предметы социальной инфраструктуры (например, пресловутый маяк, который – увы! – светит всем, а не только тому, кто потратился на его строительство и содержание). Капитализм является системой товарного производства. В отличие от *товара*, принадлежащего материально-вещественному миру, *духовные блага* принадлежат миру идеальному, который не подчинён пространственно-временным определениям. Духовные блага не поддаются жёсткой пространственно-временной локализации, поэтому их невозможно разделить на части, ограничить доступ к ним бывает весьма трудно, да и в обращении они не испытывают материального износа.

Обмен духовными благами кардинально отличается от товарообмена. В товарообмене каждый из товаровладельцев взамен своего товара получает товар своего контрагента. Обменявшись идеями, каждый из участников обмена кроме своей идеи получает идею своего партнёра. Потребление духовных благ не носит исключительного характера: потребление одного человека не исключает из потребления этого блага других людей. Потребление духовных благ имеет характер расширенного воспроизводства: в потреблении духовное благо не только не убывает, но, напротив, воспроизводится и шире распространяется в обществе. Поскольку каждое благо, каждая духовная ценность носит уникально-единичный характер, то труд, затраченный на её создание, не может быть иметь общей средней меры, как при массовом производстве однотипных продуктов. Применительно к цене произведений научного труда Маркс замечает: «Продукт умственного труда – наука – всегда ценится далеко ниже её стоимости, потому что рабочее время, необходимое для её воспроизведения, не идет ни в какое сравнение с тем рабочим временем, которое требуется для того, чтобы первоначально её произвести. Так, например, теорему о биноме школьник может выучить в течение одного часа» [7, с. 355].

Все эти сущностные характеристики духовных благ входят в противоречие с определениями свойств и законов товарного мира. Тем не менее, наука и образование стали непосредственной производительной силой современного общества, а значит капитал, который является социально-экономической формой развития производительных сил, овладел ими. Эмпирически это очевидно. Кстати, ничего иного, кроме эмпирических констатаций значения науки и образования для развития современного обще-

ства, не скрывается за такими его определениями в западной социально-философской теории, как «общество знаний», «информационное общество», «экономика, основанная на знании» (knowledge based economy). Это замечают даже мало-мальски критически настроенные западные ученые (см., например: [8]). Более глубокое понимание подчинения капиталу науки и образования в современном обществе, на наш взгляд, представлено в работах итало-французского коллектива учёных (К. Верчеллоне, А. Корсани, Б. Польрэ, Я. М. Бутан, Э. Руллани [4; 9; 10; 11]), развивающих концепцию «когнитивного капитализма». И хотя здесь не место обсуждать данную концепцию, многие положения которой мы готовы разделить, всё же выскажем наш взгляд на тот способ, каким капитал овладевает духовным производством, в частности – наукой и образованием.

Использование овеществлённого в машинах научного знания как способа повышения эффективности средств производства, научная организация самого живого труда и производственного процесса в целом (тейлоризм и фордизм) – всё это лишь этапы процесса реального подчинения капиталу духовного производства. На этих этапах капитал главным образом использовал *результаты* науки для своих целей. Само же духовное производство сохраняло относительную автономию своей организации, пребывая под контролем политико-идеологической системы буржуазного общества. Нынешний этап развития капитализма характеризуется тем, что *система духовного производства становится составной частью капиталистического способа производства*. Именно об этом идёт речь у авторов концепции с неудачным названием «когнитивный капитализм».

Суть рассматриваемой проблемы такова: как мир духовного производства, свойства которого противоположны миру товарного, материально-вещественного производства, может быть встроен в капиталистический способ производства? Если обратиться к Марксу в поиске ответа на этот вопрос, то здесь, на наш взгляд, заслуживают внимания следующие идеи, высказанные в подготовительных рукописях к «Капиталу». Маркс обращает внимание на то, что разделение материального и духовного производства носит относительный характер и к тому же производится самим капиталом: «Характерную черту капиталистического способа производства составляет как раз то, что он отрывает друг от друга различные виды труда, а стало быть, разъединяет также умственный и физический труд – или те виды труда, в которых преобладает та или другая сторона, – и распределяет между различными людьми. Это, однако, не мешает материальному продукту быть *продуктом совместного труда* всех этих людей, или – что то же – не мешает продукту их совместного труда овеществляться в материальном богатстве; с другой стороны, это разъединение нисколько не мешает также и тому, что отношение каждого из этих людей в отдельности к капиталу неизменно остаётся отношением наёмного работника, отношением *производительного рабочего* в этом специфическом смысле» [7, с. 422].

Если в самом производственном процессе умственный и физический труд (труд инженера и рабочего) образуют *совместный труд*, то в масштабах всего общества их единство предстаёт как *совокупный общественный или комбинированный труд*. Особенность этого последнего, по Марксу, заключается в следующем: «...Совокупный труд как целостность *не является делом* отдельного рабочего, и даже совместным трудом различных рабочих; совокупный труд как целостность является лишь постольку, поскольку рабочие не сами себя комбинируют, а комбинированы [внешней силой]. Этот комбинированный труд в его совокупности в такой же мере оказывается подчинённым чужой воле и чужой мысли и ею руководимым, имеющим своё *духовное единство* вне себя, – насколько в его материальном единстве он подчинён *предметному единству машин*, основного капитала, который как одушевлённое чудовище объекти-

вирует научную мысль и фактически является объединяющим началом...» [6, с. 465]. Поскольку капитал комбинирует различные виды труда, то, во-первых, он выступает их духовным единством (они подчиняются его мысли и воле), во-вторых, формы общественно развитого труда (кооперация, мануфактура, фабрика, корпорация) «...получают свое выражение в виде *форм развития капитала*, и поэтому производительные силы труда, развившиеся из этих форм общественного труда, а стало быть также наука и силы природы, принимают вид производительных сил капитала» [7, с. 398]. Общая оценка продуктивной силы капитала и его роли в развитии общества у Маркса выглядит так: «Капитал, таким образом, производителен: 1) как сила, *принуждающая* к прибавочному труду; 2) как сила, поглощающая и присваивающая себе (в качестве их персонализации) производительные силы общественного труда и всеобщие общественные производительные силы, например науку» [7, с. 400].

Наука в капиталистическом обществе приобретает специфическую общественную форму, что находит своё выражение не только в санкционировании капиталом направлений научных исследований и приоритетных сфер применения их результатов, но и в режиме частной собственности на продукты научного труда (патенты, лицензии), несвойственном науке предшествующих исторических периодов. Аналогичная метаморфоза происходит и с образованием. Из процесса формирования личности, в ходе которого она усваивала достижения науки и культуры, образование превращается в индустрию производства специфического товара – «образовательная услуга», который выбрасывается на рынок труда, контролируемый и направляемый капиталом. Образование обслуживает рынок труда, готовя для его различных сегментов квалифицированную рабочую силу, «потребительная стоимость» которой теряется вместе с каждым крупным переформатированием рынка труда, а значит – её носитель на протяжении своей жизни требует неоднократного переобучения. Называть такое образование процессом формирования «человеческого капитала» можно либо в апологетических целях, либо – пребывая в плену иллюзий относительно социально-экономической природы этих отношений. Как бы то ни было, но несомненным является то, что противоречие между всеобщей общественной природой науки и образования и частнособственнической формой их нынешнего развития нарастает, приобретая различные формы развития, далёкие от разрешения указанного противоречия, что само по себе требует дальнейших исследований.

Литература и примечания:

1. Вебер М. Наука как призвание и профессия / Вебер М. Избранные произведения: Пер. нем./Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; Предисл. П. П. Гайденко /Макс Вебер - М.: Прогресс, 1990. – С. 707-736
2. Економіка вищої освіти України: тенденції та механізми розвитку: Монографія / АПН України. Ін-т вищої освіти; За ред. В. П. Андрущенко. – К.: Пед. преса, 2006. – 208 с.; Боголіб Т. М. Фінансове забезпечення розвитку вищої освіти і науки в трансформаційний період / Тетяна Максимівна Боголіб. – К.: Міленіум, 2006. – 508 с. : табл.; Василенко Н. А. Маркетинг как рыночная инновация в управлении ВУЗом / Н. А. Василенко // Вчені записки: Зб. наук. пр. / Харк. гуманіт. ун-т „Нар. укр. акад.” – Х., 2003. – Т. 9. – С. 193–205. ; Верхоглядова Н. І. Управління конкурентоспроможністю вищої освіти в процесі формування людського капіталу: Автореф. дис. ... д-ра екон. наук: 08.02.03 / Наталя Ігорівна Верхоглядова; Дніпропетр. нац. ун-т. – Д., 2005. – 31 с.; Гончаренко А. М. Використання balanced scorecard у системі управління вищим навчальним закладом / А. М. Гончаренко // Економіка і управління –

2006. – № 3. – С. 103–110. ; Гриценко В. П. Інноваційні підходи до управління навчальними закладами / В. П. Гриценко // Фінанси України. – 2005. – № 4. – С. 85–89.; Дем'янчук О. П. Управління університетами в умовах демократизації: державний і приватний сектори вищої освіти / О. П. Дем'янчук // Персонал. – 2001. – № 11. – С. 66–71.; Діденко А. О. Маркетингова наука для української освіти / А. О. Діденко // Післядиплом. освіта в Україні. – 2002. – № 2. – С. 71–73.; Дмитренко Г. А. Стратегічний менеджмент в системі образования: Метод. пособие / Г. А. Дмитренко. – К.: МА-УП, 1999. – 176 с.; Дубровка О. В. Інструментарій маркетингового регулювання сфери послуг вищої освіти державними органами управління / О. В. Дубровка // Педагогіка і психологія. – 2005. – № 1. – С. 71–74.; Євтушевський В. Маркетинг освітніх послуг у системі вищої освіти України / В. Євтушевський, Н. Бутенко // Вища освіта України. – 2004. – № 3. – С. 49–55.; Косарев В. М. Управління конкурентоспроможністю вищого навчального закладу на основі системного підходу / В. М. Косарев // Економіка і управління – 2006. – № 3. – С. 96–102.; Кочкіна Н. Ю. Дослідження європейського ринку освітніх послуг в світлі Болонського процесу / Н. Ю. Кочкіна // Маркетинг в Україні. – 2005. – № 1. – С. 40–46.; Москаль Ю. Особливості фінансування вищої освіти країн світу / Ю. Москаль // Психологія і суспільство. – 2003. – № 1. – С. 110–118.
3. Джуринский А. История зарубежной педагогики / А.Н. Джуринский – М. Изд. Группа «Форум» - «Инфра-М», 1998. – 246 с.
  4. Польрэ Б. Двусмысленности когнитивного капитализма / Бернар Польрэ / Логос, 2007, №4(61). – С. 70-113
  5. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Перевод с английского. Изд. 2-ое, испр. и доп. / Дэниел Белл – М. Academia, 2004. – СLXX, 788 с.
  6. Маркс К. Экономические рукописи 1857-1861 гг. (Первоначальный вариант «Капитала»). В 2-х ч. Ч.1 /Карл Маркс – М.: Политиздат, 1980. – XXVI, 564 с.
  7. Маркс К. Теории прибавочной стоимости /Карл Маркс /Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-ое. – М. Госуд. изд. полит. литературы, 1962. – Т. 26, ч. 1, - С. 3-476.
  8. Узбстер Ф. Теории информационного общества /Фрэнк Узбстер - М.: Аспект Пресс, 2004.- 400 с.
  9. Верчеллоне К. Вопрос о развитии в век когнитивного капитализма /Карло Верчеллоне / Логос, 2007, №4(61). –С. 144-167
  10. Корсани А. Капитализм, биотехнонаука и неолиберализм. Информация к размышлению об отношениях между капиталом, знанием и жизнью в когнитивном капитализме / Антонелла Корсани / Логос, 2007, №4(61). –С. 123-143
  11. Бутан Ян Мулье. Новое огораживание: информационные и коммуникационные технологии или Ползучая революция прав собственности / Ян Мулье Бутан / Логос, 2007, №4(61). – С. 199-299.